

Author: Береговский Владимир Емельянович

Африканские страсти

Африканские страсти

Как говорят французы, «в некоторые другие времена» мне пришлось пожить в одной из арабских стран - Алжире. Я не просто там жил, как турист или как чужестранный путешественник. Я там работал в самой гуще алжирской жизни, среди простых и не очень простых алжирцев. Кстати, лучше не называть жителей арабских стран арабами. Почему-то им это не очень нравится. Лучше всего они воспринимают слово алжирец, по-французски – «алжирьен». Хотя я, конечно, понимаю, что, не смотря на прекрасные отношения, которые сложились у меня с некоторыми алжирцами, личностное расстояние между нами оставалось огромным. Главным препятствием, ну, просто огромным рвом между нами, был языковой барьер.

И как же ему не быть. Ведь главное, что определяет человека- это то, что он говорит. В мозги иначе, чем через разговор, не заглянешь. Во всяком случае, пока и в большинстве случаев. В недалёком будущем нам обещают такую печальную перспективу, как чтение мыслей, но и тогда я не думаю, что это коснётся большинства людей. Ну, кому мы нужны со своими мыслями? Разве что жене. Да и то не всегда.

Но, как говорят французы, «вернёмся к своим баранам», то есть ближе к теме. Кстати, очень даже не зря приходится так часто вспоминать французов. Ведь это благодаря «тёмным остаткам колониализма» в образе французского языка я всё же умудрился кое-что понять в загадочной арабско-алжирской душе своих коллег по работе и не только их.

Правда, многие мои коллеги по контракту умудрились поработать с алжирцами по два-четыре года и как-то обойтись без знания как арабского, так и французского языков. Что на это сказать? Мне их немного жаль. Они не воспользовались великолепной возможностью выйти за рамки своего «родного» болота, при этом надо заметить – советского болота. А уж более ограниченного кругозора даже трудно представить. Разве что кругозор бушменов пустыни Калахари.

Представьте себе, что этих самых бушменов вдруг перенесло в современный Киев? Вот, например, как меня вдруг в моей первой командировке в Алжире перенесло в южную Тибессу, на границе с Тунисом. В типичный, как любят писать плохие писатели, арабский город из чёрт знает какого времени. Во всяком случае, половина города построена в арабском стиле, половина во французском колониальном стиле и обе эти половины заключены в крепостные древнеримские стены. И такая же мешанина стоит в «облико морале» обитателей этого странного полиса. Вот об этом и пойдёт речь в первом моём рассказе о вопросах секса.

Первая история. Женщина в шкафу

Представьте довольно грязный трёхэтажный каменный дом с окнами, выходящими на небольшую квадратную площадь, которую тесно обступили подобные же серые и облупленные двух и трёхэтажные домишки. Это мой, с позволения сказать, отель, на втором этаже которого я занял свой первый в Алжире оборонительный рубеж площадью около пять на пять метров. Комната почти советского убого-гостиничного типа. Из мебели присутствуют кровать, стол, два расшатанных стула и шкаф. Есть ещё раковина с краном, которая является чисто декоративным атрибутом. – За весь месяц пребывания в Тибессе из крана ни разу не капнуло.

Все удобства, и в том числе вода, находятся рядом с загородкой дежурного отеля на первом этаже в виде большого синего пластмассового таза. Из этого таза все спокойно черпают мутную тепловатую жидкость чем-то напоминающую воду. Причём все эту жидкость спокойно пьют. Кроме меня. Я всё же, из чувства европейской брезгливости и помня наставления советского руководства контракта по гигиене, пью эту воду только после кипячения. Может поэтому до сих пор и живу.

Конечно, в нашей самой лучшей для жизни простых тружеников стране, стране космоса и балета, я привык и к не таким условиям, но всё-таки отсутствие чистой воды здорово угнетало. А вот мой техник Буалем, который поселился в соседней комнате, был без ума от Тибессы. Ему тут всё нравилось: город, с окружающими его бесконечными базарами, намного более дешёвые цены на шмутки и продукты, чем в столичной виллае (по нашему – области), и даже сравнительно дешёвый отель. Кстати, заметим, что наш отель являлся самым лучшим и дорогим в Тибесе.

Но, главное, ему нравилось одно интересное заведение, зелёные двери которого хорошо просматривались из окон нашего отеля. Кто жил в арабских странах, тот должен знать, что там зелёные двери открывают дорогу в мужской рай, попроще – в публичный дом.

Буалем был в восторге от борделя Тибессы. «Ах, какие там девочки, - захлёбывался он, - Молодые, красивые, страстные». «Хорошо работают, - со знанием дела продолжал он. – Особенно им нравятся итальянцы, ну, на худой конец, просто иностранцы. Вам бы, месье, надо сходить туда, а то всё сидите и чертите эти колонки». – Мы в здешних краях занимались бурением скважин на известняки и мергеля по проекту «Цементный завод Тибесса».

По правде сказать, тогда мне было не до женщин. Слишком чужое было всё вокруг. Слишком много сил я тратил на привыкание к местному люду,

климату, пище, работе, чтобы много думать о горячих и страстных проститутках. И, конечно, немаловажную роль здесь играла брезгливость. «Если уж в лучшем городском отеле негде помыться, то вряд ли в публичном доме будет чище, - рассуждал я сам с собой. – Да и к тому же там кроме обычной заразы можно подцепить и венерическую».

Но, чтобы Буалем отстал, я его стал уверять, что мне незачем самому посещать публичный дом, если ко мне сюда сами женщины приходят. Техник недоверчиво хмыкал и ... уходил в пубдом за новыми впечатлениями в одиночестве.

Иногда ко мне заходил помощник владельца отеля и тоже на плохом французском языке удивлялся, что я не хожу к девочкам. Французский у меня тогда, на первых месяцах пребывания в Алжире, был не намного лучше, чем у него. Поэтому он с большой натугой понимал меня, а я, соответственно, его.

В ответ на его надоедливые вопросы, почему я не посещаю бордель, я поначалу пытался изображать крайнюю занятость работой. Но тогда помощник стал подшучивать надо мной. Даже с моим ужасным французским до меня дошло, что он думает, что я просто болен или, проще говоря, являюсь импотентом... Казалось бы какая мне разница, что думает обо мне этот алжирский балбес? Но вдруг взыграло самолюбие и я его, как ранее своего техника, стал уверять, что мне не надо никуда ходить, потому, что девушки приходят ко мне сами. Ну, парень первоначально, не смотря на то, что был намного проще моего столичного техника, тоже не слишком-то мне поверил.

«Когда? – размахивал руками этот debil. – Почему я никого не видел? Где ты их прячешь?» «А... в шкафу, - самозабвенно сочинял я.- И сейчас вот сидит одна и ждёт, пока ты уйдёшь». Честно говоря – он мне ужасно надоел, да и вообще мешал закончить последнюю геологическую колонку скважины.

Только потом, восстанавливая в памяти наш разговор, я вспомнил, с каким ужасом он смотрел на мой выдавший виды шкаф и как поспешно он ретировался.

Так что колонку в этот вечер мне не суждено было дорисовать. Потому, что через полчаса после ухода, нет побега, помощника хозяина отеля меня навестила целая команда странных гостей. Они зашли по деловому, без стука, и по военному рассредоточились по всей площади моей комнаты. Один, в форме полицейского, занял пост у открытого окна, другой, высокий и худой парень, встал около злополучного шкафа, а трое окружили меня за столом. Из этих троих двое были хозяин моего отеля и его помощник. Они старались держаться позади третьего – худощавого молодого парня в тёмно-синем костюме и неожиданных сандалиях на босу ногу.

Парень в костюме уверенно присел на мой второй стул и почти грубо сунул мне под нос какое-то удостоверение. После этого, очевидно считая, что я всё понимаю, он на отличном французском языке произнёс передо мною чуть ли не целую речь. Из неё я уловил только отдельные слова: «запрещено», «женщины», «иностранцы». В ответ я сделал вид, что всё понял и на всякий случай заулыбался.

А дальше начался настоящий цирк. Начальник (а то, что он здесь главный не вызывало никаких сомнений) в ответ на мои заискивающие улыбки скорчил самую свирепую мину, встал и показал пальцем на бедный шкаф. По его сигналу высокий и худой парень отчаянным рывком распахнул дверцу шкафа и отскочил в сторону. Все присутствующие, включая меня, уставились на шкаф и застыли в ожидании.

Тут наступила немая сцена, как в гоголевском «Ревизоре». Шкаф был, конечно, абсолютно пуст, если не считать моих полевых ботинок и пары грязных носков, валяющихся в углу.

К этому моменту я наконец-то догадался, в чём дело и с внутренним злорадством стал ждать объяснений. Тут, очень кстати, зашёл вернувшийся из очередной вечерней прогулки в бордель, мой техник Буалем.

Начался оживлённый обмен на арабском языке, в ходе которого молодой милицейский начальник весьма заметно сдулся, как проколотый воздушный шарик, – мой столичный техник Буалем тоже умеет «кидать понты».

Через полчаса картина в моей комнате была самая мирная. Мы с техником и хозяин отеля с милицейским начальником сидели за моим маленьким столиком, и пили кофе с пирожными. К моему вящему удовольствию разговор вёлся исключительно на французском языке, который все присутствующие кроме меня знали в совершенстве. Стоит ли говорить, что кофе и пирожные были доставлены бледным помощником хозяина отеля. Сам хозяин, круглый и улыбчивый мужчина в традиционном белом бурнусе, много раз с иронией отзывался о своём чересчур бдительном помощнике и уверял, что непременно бы его тотчас бы уволил, если бы тот не был каким-то родственником его жены.

Милицейский начальник и мой техник мгновенно прониклись друг к другу величайшей симпатией и уже перешли на обращение «брат». В мусульманских странах это не признание родственных связей, а определение единоверца, что-то похожее, на наше «земляк», но только в масштабах всей страны.

Встреча несколько затянулась, и я с тоской думал, что колонки придётся доделывать ночью, чтобы завтра начать опробование керна.

Но всё же, мне любопытно было узнать, чем бы мне грозило пребывание в моей комнате женщины. Оказывается, как сказал молодой оперативник, я бы «отделался пустяком – всего каких-нибудь три – шесть месяцев заключения».

Вторая история. «Добрый день»

Сетиф – центр вилайи (области) и главный город Высоких Плато – плоскогорья, расположенного на востоке Северного Алжира. Хотя и далеко Сетиф от благословенного Средиземного моря, но и сюда добрались вездесущие римские легионы, оставив в наследство свои крепостные древнеримские стены. Только арабский Сетиф, в отличие от Тибессы, давно уже перерос древнеримские развалины и расплзся дальше на очень большой площади.

Как обычно мой маленький отряд в составе меня, техника Мухаммеда (Буалем к тому времени уже уволился) и водителя Мулуда, поселился в самом лучшем отеле города, носящем претенциозное название «Эль Риад». В соседнем, более скромном отеле, временно, до выезда на участок, расположились наши буровики, числом, насколько я помню, восемь человек.

Первые дни выезда на новый участок всегда суматошные. Кто-то уже приехал, кого-то надо подождать, привезли не те колонковые трубы, в дороге сломался грузовичок обслуживающий буровую и так далее, в том же духе. Мой экипаж машины боевой организовался быстрее других. Мы съездили на участок Рас-эль-Уэд, расположенный в 60 километров от Сетифа и уведомили местное начальство о предстоящих работах. Заодно мы ещё раз посмотрели подъездные пути и наняли двух рабочих для опробования.

Со всеми этими делами управились в первый же день, а последующие два дня практически бездельничали. Я-то ещё понемножку занимался разной геологической писаниной: уточнял схему расположения скважин, проектные геологические разрезы, готовил журнал опробования, ну и тому подобной рутинной работой. Мой же техник вообще ничего не делал. Видимо это и послужило одной из причин случившегося происшествия.

Я ранее упомянул, что техник у меня был уже другой. – Буалем законфликтовал со своим начальством и уволился. Мне дали Мухаммеда. Мне

он понравился, как говорится, с первого взгляда. И впоследствии я убедился, что первое впечатление меня не обмануло. В наших условиях для нормальной работы отношения с алжирским техником имеют очень большое значение. Бывает, так складывается, что в тандеме советский геолог – алжирский техник доминирует последний. На результатах работы зачастую это сказывается отрицательно.

Такое происходит главным образом по причине незнания нашим геологом никаких языков, кроме своего родного и матерного. Ну а также, при очень большом желании продлить контракт, абсолютное неумение себя поставить должным образом. Ну, а у меня техники всегда мне подчинялись и делали то, что я им указывал, а не наоборот. Впрочем, я их никогда работой и не заваливал. – Делал всё за себя и «за того парня».

С Буалемом у меня были небольшие проблемы, так как он был «испорчен» предыдущим советским геологом, да к тому же имел довольно заносчивый характер. Его предыдущий «наставник» входил в число как раз тех «советиков», кто был готов на любые унижения лишь бы задержаться за границей как можно дольше. Но после пары незначительных стычек мы нашли с Буалемом общий язык.

С Мухаммедом мне повезло больше. До меня он работал с французами, да и вообще, характер у него был покладистый, а мозгов значительно больше, чем у Буалема. Это был высокий, здоровый парень, склонный к полноте, с густой вечно взлохмаченной шевелюрой чёрных курчавых волос на крупной круглой голове. Он был необычно для араба благодушным и... чрезвычайно неопрятным. Только его неопрятность почему-то не вызывала отвращение. Она была естественной, как он сам. Например, если он открывал консервы, то обязательно значительную часть высыпал себе на штаны, а если пил сок из бутылки, то полбутылки оставалось на рубашке.

И, тем не менее, по своему опыту знаю, что таких мужиков, как он женщины обычно обожают. Во всяком случае, у нас, в Союзе. А у себя на родине он эти свои таланты применить, конечно, никак не мог. Но пытался. А что из этого вышло, читайте дальше.

Четвёртое утро в Сетифе началось для меня как-то странно. Вместо того, чтобы, как планировалось вечером, собраться всем геологам и буровикам и ехать наконец-то на участок, поднялась какая-то непонятная для меня суета. На меня, вышедшего из отеля со своей неизменной офицерской сумкой, с которой я не расставался в поле и на Украине, никто не обращал внимание.

Мой водитель, всегда вежливый и обходительный Мулуд, быстро проскочил мимо, как бы меня не замечая. Похоже, что ему действительно было не до меня. Находясь вдалеке от родного дома, среди таких непохожих на тебя людей, поневоле привыкаешь к осторожности. Поэтому я не стал торопить события, а продолжал наблюдать за непонятным для меня развитием событий.

Тем временем мой водитель присоединился к буровикам, толпившимся на углу напротив отеля. До меня доносился оживленный разговор на арабском на повышенных тонах, сопровождающийся энергичной жестикуляцией. Очень быстро разговор вообще перешёл на крик. У нас бы после такого крика непременно бы начался мордобой. Но тут народ, хотя с виду и погорячее, но до драки доходит реже. Просто ребята явно разошлись во мнениях.

Я продолжал наблюдать. А дальше происходило ещё интереснее. Они все внезапно, как по команде, замолчали, уставившись на невысокого плотного телосложения мужчину, который вышел из находящегося рядом внушительного серого здания. Насколько я был информирован, в этом строении находилось сразу несколько правительственных контор и в том числе жандармерия, суд и прокуратура.

Мужчина и выглядел, как типичный государственный чиновник в безукоризненно белой рубашке и чёрных брюках. И это - несмотря на ужасную летнюю жару! От кучки буровиков отделились мой водитель Мулуд и буровой мастер Сенан.

Чиновник и двое наших встретились как раз напротив меня и по-европейски обменялись рукопожатиями. Причём чиновник протянул руку лениво, как говорится «дудочкой», а вот мои ребята схватили его руку жадно, как-то даже подобострастно. Мне на какой-то миг показалось, что они даже были готовы поцеловать эту пухленькую и белую ручку. До этого всё-таки не дошло. Но слушали они его гневную и страстную речь, низко склонив головы. Конечно, я ни черта не понял, кроме часто повторяющейся французской фразы – «бон жур» - дословно «добрый день». Это обычное приветствие, как наше «здрасьте». Но чиновник произнёс эту фразу, наверное, раз сто и если бы я не знал, что это обычное приветствие по-французски, то принял бы его за самое грубое ругательство.

Сенан и Мулуд почти не прерывали этот страстный монолог. Выговорившись, коротышка наконец-то замолчал. И только после довольно продолжительной почтительной паузы грозный начальник буровиков решился ему ответить. Причём каким-то незнакомым для меня воркующим голосом. Мой водитель сначала молчал, а потом подхватил разговор, как бы неторопливо вступая в него сначала отдельными репликами, а потом уже и целыми предложениями. Всё это мне напомнило игру слаженного симфонического оркестра, когда после вступления первой скрипки мелодию подхватывают остальные инструменты.

Государственный чиновник видимо никогда не слышал слаженную игру симфонического оркестра. Поначалу он ещё что-то недовольно буркал, но постепенно заслушался и даже открыл рот. По всему было видно, что он

разрешил себя уговорить.

«Порядок, - подумал я, - Можно подойти и наконец-то выяснить, когда же мы поедем на участок». Но опять же, из осторожности я решил подождать пока этот гордый начальник отойдёт от «моих» парней. И правильно сделал, потому, что спектакль, оказывается, ещё не закончился. На «сцене» появилась новая фигура, мой техник Мухаммед. Хотя если бы я не находился так близко от «рампы», то мог бы его не узнать: – сгорбленный, бледный, весь какой-то униженный, он неуверенно приблизился к мужчине, склонив перед ним свою крупную красивую, обычно высоко поднятую, голову.

Чиновник процедил сквозь зубы, очевидно, какую-то довольно грубую фразу (я узнал одно из самых грязных ругательств на арабском) и как-то лениво, без размаха, тычком, ударил Мухаммеда по щеке. Это было так неожиданно, что я вздрогнул, будто меня ударили самого, и почему-то оглянулся на группу буровиков. Они по-прежнему стояли на углу и старательно делали вид, что ничего не видят.

Когда я пришёл в себя, то главные герои разыгранной передо мною драмы уже разошлись. Чиновник вернулся в свою контору, Мухаммед поднялся за своими вещами в отель, Сенан присоединился к группе буровиков, а Мулуд пошёл заводить машину.

Целый рабочий день Мухаммед, обычно весьма разговорчивый и любезный, подавленно молчал. Да и всем было не по себе. Я ничего не спрашивал, зная, что попозже если не сам Мухаммед, то Мулуд и Сенан не выдержат и всё расскажут, да ещё и присочинят.

Так оно и вышло. Вечером, обгоревшие, грязные и до чёртиков усталые, мы зашли с Мухаммедом в одну подпольную лавочку за двумя фугасами «Вэн де Льён». Это знаменитое алжирское красное сухое вино хорошо «идёт» с французским сыром «Камамбер». Приканчивая вторую бутылочку, Мухаммед

мне всё и рассказал.

Оказывается, дело обстояло следующим образом. У представительного мужчины, который действительно являлся важным государственным чиновником, возглавлявшим отдел в прокуратуре вилайи, есть дочь – по словам Мухаммеда - очень красивая девушка. Вместе со своими подругами она каждый день ходила на занятия в местный университет мимо нашего «Эль-Риада». Следует сказать, что я и сам теперь вспомнил эту стайку грациозных созданий довольно нелепо смотрящихся на заставленных кофейными столиками с сидящими за ними горячими алжирским парнями, улицах Сетифа.

Правда, девушки эти ходили только покрытые традиционными мусульманскими платками («хиджабами»), полностью скрывающими волосы, и в длинных, до щиколоток, платьях наглухо застёгнутых на шее. У нас подобные наряды носят сектанты. Но для такой мусульманской страны, как Алжир, и это было, чуть ли не революционным делом, гигантским шагом к эмансипации бесправной мусульманской женщины.

Ведь не зря в нашей среде «советиков» мы тогда называли алжирских женщин «снегурочками». Представьте себе бесформенную фигуру с головы до ног укутанную в белую накидку, да ещё в придачу скрывающую пол лица куском ткани, называемой хаиком. Видны только глаза. То, что перед вами женщина можно только догадываться. Правда, местные мужчины каким-то непостижимым для европейца образом даже в таком наряде определяют уж воистину скрытые достоинства женщины, но, по-видимому, здесь нужна очень длительная тренировка. И вдруг почти полностью открытые красивые юные лица и заметные даже в мешковатых юбках девичьи фигуры. Ну, как тут устоять!

И вот, что делает наш Мухаммед. «Этот развращённый западной цивилизацией молодой парень, представитель золотой молодёжи, которая в своём слепом подражании Западу начинает забывать святыне законы шариата, нагло завязывает знакомство с дочерью одного из самых почтенных граждан Сетифа, покушаясь на её честь и достоинство». Вот примерно в таких словах охарактеризовал поступок Мухаммеда отец девушки, который ему на беду оказался далеко не последним работником прокуратуры.

А «ужасный и безнравственный поступок» моего благодушного техника заключался в единственной фразе, с которой он обратился к девушке, - «Бон жур!» или «Добрый день!» И больше ни слова.

Видимо девица передала эти слова своей матери, а та – своему мужу, прокурорскому чиновнику. А дальше моему технику, согласно алжирским законам, грозило заключение на срок от одного года до пяти лет. Но ему повезло. Во-первых, наш водитель Мулуд, как бывший муджахед, воевавший с французами, имел в сетифской прокуратуре бывшего соратника по оружию, который сообщил ему о готовящемся привлечении Мухаммеда к суду. Во-вторых, сам отец девушки не очень то и хотел разглашения «позора» своей дочери.

И всё было спущено на тормозах. Наши буровики и мой водитель поручились перед Всевышним, что Мухаммед никогда с этих пор даже не глянет в сторону оскорблённой им девушки. Мухаммед же принёс её отцу свои самые искренние извинения и унижённо попросил прощения.

Пощёчина была необходимым ритуалом. Как бы печатью, которая скрепила подписи высокодоговаривающихся сторон. Таким образом, наше небольшое вечернее распитие «Вэн де Льён», можно было смело приравнять с дипломатическим банкетом по случаю удачного компромиссного соглашения... или с поминками по только начавшимся зарождающимся отношениям между

мужчиной и женщиной. Это уже, как и с какой стороны посмотреть.

«Слушай, Мухаммед, - немножко расхрабравшись после чудесного вина, спросил я, - а ты догадывался, чем могло кончиться для тебя это твоё «бон жур»?»

«Скорее «да», чем «нет», - вполне искренне ответил мой алжирский Дон Жуан. – Конечно, мне и в голову не могло придти, что её отец прокурор, но я отлично знал, что по нашим законам её родственники имели право меня даже убить. ... Но уж очень красивая девушка! Бель де нюи. Помните, месье камарад, французский фильм «Бель де нюи» (ночные красавицы) с Жераром Филиппом в главной роли? Там его постоянно во сне навещали красавицы, и он даже не хотел просыпаться. Так и я – готов не просыпаться целый месяц, лишь бы ко мне хотя бы во сне явилась эта красотка ».

«В таком случае, Мухаммед, предлагаю традиционный украинский тост – «За любовь!» - Я разлил последние капли вина в стаканы.

«И за прекрасных алжирских девушек, самых красивых и обольстительных в мире!»: грустно добавил мой товарищ.

Мы выпили.